

Ночью луна постепенно затянулась мутной дымкой, тучи закрыли её, и внезапно поднялся яростный ветер. Тёмный силуэт луны, словно разлитые чернила, лёг на густую ночь над маленькой, хилой деревней.

Глухой гром, сопровождаемый вспышками ослепительного света, раскалывал небо — всё будто затаилось в ожидании.

«Хэ Бянь, этому ребёнку десять лет, а он всё хуже семи-восьмилетних детей понимает жизнь. Немой, как деревянный — неужели с головой что-то не так, раз его столько раз продавали? Повезло ещё, что приёмная мать, Чжан Мэйлинь, добрая. Когда вырастешь, должен будешь хорошо её почитать и отплатить за всё — иначе как бы ты вообще до сегодняшнего дня?»

«Хэ Бянь такой глупый. В доме вся грязная и тяжёлая работа на нём. Что бы ни было — не успеет Тянь Ваньсин потребовать или отнять, а Хэ Бянь уже сам несёт и отдаёт».

«Стоит ему только услышать от Тянь Ваньсина это холодное "брат", и на его худом, заискивающем лице сразу появляется угодливая улыбка».

«Сынок, я тебе это говорю — ни в коем случае не будь как Хэ Бянь. Добрых людей до смерти затаптывают».

«Понял, мама. У Хэ Бяня нет матери, которая бы его учила, а у меня есть!»

«Ты этими руками и навоз разгребал, и куриный помёт собирал — даже если ты принесёшь дикое яблоко брату Ваньсину, он его не возьмёт. Честно, ты и правда глупый — даже глупее того дурака с конца деревни. Ты, нищий, пытаешься угодить хозяевам, да ещё и думаешь остаться здесь навсегда? Ваньсин ведь никогда не считал тебя братом — ни разу не назвал тебя так. Ты для него стараешься, а он этого даже не ценит».

Молния озарила тёмное деревянное окно. Во сне Хэ Бянь покрылся холодным потом, брови сжаты, зубы скрипят, тело сжалось и окостенело — словно ребёнок, которого бьют и ругают взрослые, а убежать некуда.

«Какой же он глупый! Его бьют, а он даже не убегает. Ясно же — без отца, без матери, никто не учил, дикий выродок!»

Люди с разными лицами, с искажёнными ртами — то огромными, то крошечными, то близко, то далеко — окружали его. Их пронзительный смех вызывал тошноту и головокружение. Хэ Бяню оставалось только лезть в нору, в землю — глубже, ещё глубже, чтобы они его не увидели.

Нет!

Это неправда. Он уже не тот, кем был раньше.

Он больше не такой.

Теперь он сильный.

Этот страх и слабость — всё ложь.

Это всего лишь сон. Нужно проснуться!

Хи-хи... как же это может быть ложью?

Это всё у тебя в костях. От этого не сбежать и не избавиться. Хи-хи... чем сильнее ты пытаешься отбросить это, тем крепче оно будет держаться за тебя всю жизнь.

На людях ты копируешь холодное безразличие дурака, чтобы запугать других. Но только ты сам знаешь: ты — крыса из тёмной канавы, трусливая, жалкая, но жадно заглядывающаяся на чужое.

«Мама, Хэ Бянь наконец-то умер. Теперь у нас дома только наша семья из трёх человек. Каждый раз, когда он смотрел на нас за столом, как нищий попрошайка... так противно, аж аппетит пропадает.»

И вдруг — грохот. Раскат грома разорвал небо, молния осветила ночь, и на крышу обрушился ливень, барабаня без остановки.

Во сне Хэ Бянь чувствовал, как всё его тело промокло и пронизывающе холодеет — словно он лежит на краю утёса, под ветром и палящим солнцем, и змеи с насекомыми впиваются в него, причиняя невыносимую боль. Страх, безысходность — бежать некуда. И вот однажды перед ним присел мужчина и молча поднял его кости.

«Брат Чжоу Ци...»

Во сне Хэ Бянь, на грани срыва, беспомощно, жалобно всхлипнул, пробормотав во сне.

И вдруг раздался ответ:

«Я здесь».

Хмурое лицо Хэ Бяня постепенно расслабилось — он будто почувствовал, как тёплое, мягкое тепло разливается по его запястью. Его закрытые глаза медленно разгладились, и тревожное выражение сна стало спокойным.

Чжоу Ци смотрел, как Хэ Бянь неосознанно уткнулся лицом в его ладонь, свернувшись позади него, словно котёнок. Он поднял руку, коснулся потрескавшейся кожи у основания его большого пальца и медленно направил туда немного внутренней силы, чтобы исцелить.

Почти каждую ночь Чжоу Ци таким образом восстанавливал его. Поначалу он не хотел этого делать. Но Хэ Бянь во сне кричал, плакал, метался, а чувства Чжоу Ци были гораздо острее обычных — стоило тому беспокоиться, как он сам не мог уснуть.

Со временем, углубляясь в это восстановление, он заметил: несмотря на юный возраст, тело Хэ Бяня было сильно истощено. Если так продолжится, он станет болезненным и может даже сократить себе жизнь.

Ещё больше Чжоу Ци поразило то, насколько нестабильным было его сознание. Днём Хэ Бянь становился всё более холодным и мрачным, а ночью его кошмары не прекращались.

Даже переродившись, даже отомстив и сумев обвести деревенских вокруг пальца, он всё равно оставался под постоянным двойным давлением — телесным и душевным. И от этого его состояние ничуть не улучшалось.

Хотя Хэ Бяню было всего шестнадцать — в будущем мире он считался бы ещё ребёнком — он

уже давно жил в постоянных раздумьях, тревогах и подавленности. Теперь же, подпитываемые ненавистью, все эти мысли усилились во много раз и превратились в острые лезвия, которые безжалостно ранили его самого.

Чжоу Ци некоторое время вливал в него духовную силу, но вскоре исчерпал её и почувствовал усталость. Он остался сидеть на краю кровати, не двигаясь — его левую руку всё ещё крепко сжимала та шероховатая маленькая ладонь.

Хотя днём хозяин этих рук уговаривал его сладкими словами, пытаясь использовать, он сам — от полного безразличия в начале — незаметно для себя привык к этому.

Он давно заметил, как изменилось его отношение к Хэ Бяню.

Возникшая сама собой привязанность казалась Чжоу Ци чем-то новым и необычным.

Возможно, именно поэтому люди любят подбирать бродячих кошек или каждый день заботливо следят за растениями, ожидая, когда те зацветут и принесут плоды.

Ведь человек — не трава и не дерево, как же ему быть без чувств?

Чжоу Ци спокойно принял это и молча наблюдал за этими переменами в себе.

Глядя на Хэ Бяня, который во сне постепенно улыбался, а мрачное выражение его лица сменялось светлой, спокойной радостью, Чжоу Ци и сам ощутил в душе тихое чувство удовлетворения.

Хэ Бяню снова приснился хороший сон.

Во сне перед ним раскинулось золотое рисовое поле. Он и Чжоу Ци, одетые в простую рабочую одежду, нагнувшись, срезали колосья. Их лица были мокры от пота, но в уголках губ и в глазах светилась радость. Они перебирали тяжёлые, налитые зёрнами колосья — богатый урожай.

Свежесобранный рис взвешивали и складывали в мешки, амбар был доверху заполнен, в воздухе стоял аромат нового зерна. Во дворе поставили аккуратный курятник; стоило открыть бамбуковую калитку — куры и утки, хлопая крыльями, разбежались по полю, склёвывая рассыпанные зёрна.

На следующее утро Хэ Бянь проснулся от звука дождя, барабнящего по крыше.

Открыв глаза, он увидел, что у его постели сидит человек.

Словно сон ещё не закончился.

Хэ Бянь моргнул. Правая рука онемела, но пальцы всё ещё крепко сжимали пальцы Чжоу Ци. Тот сидел, повернувшись к нему спиной. Хэ Бянь медленно поднял левую руку и провёл по уголку глаза, счищая засохшие слёзы — он, кажется, каждую ночь плакал. Плакать — ещё ладно, но эти следы... слишком уж неоправданно.

Он вспомнил, как в детстве хотел поиграть с другими детьми в деревне. Он радостно подбежал к ним — а они, зажимая носы, разбежались. Стоя в стороне, указывали на него пальцами: говорили, что от него воняет навозом, что у него на голове гнездо, что он грязный, никому не нужный выродок.

Вспомнив это, Хэ Бянь поднял левую руку и осторожно провёл по волосам. Но волосы были

сухие, спутанные — пальцы застревали, не проходили.

И это его раздражало.

Чем больше не получалось, тем сильнее поднималась злость. Внутри будто скрывался вулкан — достаточно было малейшей искры.

Хэ Бянь резко дёрнул себя за волосы, словно хотел вырвать спутанные пряди.

«Тсс...»

Сморщившись от боли, он уже собирался потянуть сильнее, как заметил, что Чжоу Ци повернул голову. Он поспешно закрыл глаза, притворяясь спящим.

Он чувствовал, как на его лицо падает чужой взгляд. Ресницы невольно дрогнули. В этот момент кровь в онемевшей правой руке стремительно прилила, согревая её, а холодные пальцы Чжоу Ци постепенно потеплели — от того, как он их сжимал.

Хэ Бянь неловко зевнул, собираясь сделать вид, что только проснулся. Но стоило ему открыть глаза — и он тут же встретился взглядом с Чжоу Ци, спокойным и холодным.

Хэ Бянь сам не понял, почему вдруг разозлился.

Пробормотал себе под нос:

«Смешно... с чего это я должен притворяться спящим? Всего лишь дурак, который мечтает "попасть в другой мир". Мы и не такое видели».

Вообще-то он и сам не знал, что такое "попасть в другой мир". Просто у дурака, наверное, и мир видится иначе.

Да и спрашивать ему было лень — у него и своих дел полно, нет сил думать о чужом.

Хэ Бянь недовольно надул губы и тихо ворчал, как вдруг почувствовал тяжесть на голове, а перед глазами мелькнула тень. Подняв взгляд, он увидел — большая ладонь легла ему на макушку.

Хэ Бянь отпрянул назад, вспыхнув от стыда и раздражения:

«Я... у меня нет вшей!»

«Прости. Я впервые кому-то расчёсываю волосы, ещё не очень умею. Видимо, ты неправильно понял».

Хэ Бянь широко распахнул глаза, лицо у него слегка разгорелось.

Он замер, не двигая головой, только глаза беспокойно бегали — туда-сюда... и в конце концов снова остановились на нём.

Он опять неправильно понял Чжоу Ци. И тот... извинился.

Щетинистый мужчина с холодным взглядом сосредоточенно возился с его волосами, а его большие руки двигались неуклюже — и от этого выглядело даже немного забавно.

Почему он вдруг стал так хорошо к нему относиться?

Потому что его волосы были в таком беспорядке, что даже этот "дурак" не смог смотреть спокойно?

Рука, осторожно разбирающая спутанные пряди, вдруг была резко отдернута — Хэ Бянь ударил по ней и сердито сказал:

«Не трогай! Не надо! Терпеть тебя не могу».

Чжоу Ци не изменился в лице, лишь снова протянул руку:

«А я не брезгую тобой».

<http://bllate.org/book/17226/1616189>